

Михаил СЕГЕЛЬМАН

Его уход нельзя назвать неожиданным — последние почти пятнадцать лет жизни композитор тяжело болел. К сожалению, именно во время недуга, совпавшего с началом перестроечных лет, имя Шнитке оказалось на устах у общества, не желавшего более хлебать социалистическую культурную баланду. Больше Шнитке в какой-то мере заслонила его музыку. Теперь наследник Бетховена и Малера и вовсе покинул бренную землю.

К Шнитке вполне применимы слова Софии Губайдулиной о Густаве Малере — «художник заключительной партии». Это означает умение, обогнав время, предугадать завершение в начале, что свойственно лишь избранным философам, изъяснявшимся посредством музыкальных звуков. («Музыка — мысль о мире, отношение к миру, выраженное в звуковой форме» — высказывание Шнитке 1960-х годов).

Молва сделала Шнитке едва ли не борцом с советским режимом — не более чем полуправда! В действительности все гораздо сложнее. Сама личность Шнитке и его музыка, безусловно, не вписывались в советские рамки. Не исключено, что так было бы и в любом другом обществе. В то же время с самого начала творческого пути (оратория «Нагасаки», дипломная работа композитора в консерватории, написанная сорок лет назад) Шнитке в отличие от некоторых его ровесников поставил во главу угла идею примирения и сотрудничества эпох.

На всю жизнь композитор сохранил уважение к профессору Евгению Голубеву, у которого учился в Московской консерватории. Но его путь лежал неизмеримо дальше академических традиций Московской школы. Определяющей была для Шнитке встреча с Филиппом Гершковичем, теоретиком и композитором, учеником классика европейского авангарда Антона Веберна.

Но главное — идея примирения и сотрудничества эпох пронизана вся музыка маэстро. Шнитке не только на нотной, но и на обыкновенной бумаге сформулировал идею полистилистичности, суть которой — в свободном привлечении всего накопленного музыкальной звуково-смыслового материала и скрепление его внешней хаотичности организующим сознанием художника. Гениальное воплощение этой идеи — Первая симфония, впервые исполненная в Горьком в 1974 году и вызвавшая фурор и скандал одновременно, вдохнула в жанр новую жизнь. «Сочиняя симфонию, я параллельно 4 года работал над

Он не боялся музыкальных сквозняков

Сегодня в Большом зале консерватории Москва прощается с Альфредом Шнитке

музыкой к последнему фильму М. Ромма «Я верю» («Мир сегодня»). Вместе со съемочной группой я просмотрел тысячи метров документального материала. Постепенно они складывались во внешне хаотичную, но внутренне строго организованную хронику XX века, воплотившую в новом отражении гениальные гиперболы древних — прометеевская дерзость научных и технических завоеваний, грандиозные военные и социальные потрясения, борьба сатанинского зла и непреклонного самоотверженного духа. У меня не было намерения координировать две параллельные работы. [...] Однако если бы в моем сознании не отпечаталась трагическая и прекрасная хроника нашего времени, я никогда не написал этой музыки» (из авторского комментария к Первой симфонии).

Кино и театр — важнейшие стороны деятельности Шнитке. Его отношение к прикладной музыке было лишено какого бы то ни было снобизма. Риску ска-

зать, что Шнитке вошел бы в историю музыки, не напиши он ничего, кроме музыки к «Сказу о том, как царь Петр арапа женил» и «Мертвым душам». А ведь были еще и театральные спектакли, многолетнее сотрудничество с Театром на Таганке. Между прочим, именно Шнитке призвал серьезно, на уровне музыкальной науки, изучать мелодику песен Владимира Высоцкого. Призыв до сих пор так и не услышан.

Незабываемо собственное первое впечатление от музыки Шнитке — в прелестном мультфильме «Карандаш и ластики».

Открытость Шнитке может быть по-иному понята, если представить себе простую жизненную ситуацию. На улице холодно. Сидящий в теплой квартире может открыть окно и насладиться свежим ветром. Если, конечно, не бояться сквозняков. Шнитке — не боялся!

Он умер, успев написать Девятую симфонию. Магическая в музыке цифра «девять», увы, расширила свое влияние.

Вет. Москва. — 1998. — 10 авг. с. 6

Цветы от благодарных поклонников

Елена ЛИТОВЧЕНКО

Смерть Альфреда Шнитке подкосила его близких, друзей, почитателей его творчества. Мстислав Ростропович, Геннадий Рождественский, Юрий Башмет, Наталия Гутман прервали свои концерты, фестивали, участие в жюри международного конкурса и прилетели в Москву, чтобы проститься с дорогим человеком. Глубоко потрясенный кончиной друга Мстислав Ростропович назвал его уход одной из своих последних жизненных потерь и добавил, что больше терять ему практически некого. «Умер гениальный композитор. Ничего прискорбнее в моей жизни за последние годы не было. Я имел счастье и честь исполнять впервые целый ряд его сочинений. Дирижировал первым исполнением опер «Джезуальдо» и

«Жизнь с идиотом», играл посвященный мне Второй концерт для виолончели с оркестром, переделанный для виолончели, фортепиано и электронных инструментов эпизод из «Пер Гюнта»...»

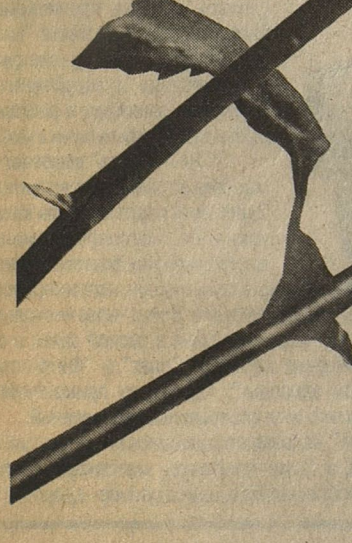
Владимир Дашкевич:

Мышление Шнитке по грандиозности не имело себе равных

— Альфред Гарриевич Шнитке работал во всех жанрах, — говорит Владимир Сергеевич. — По охвату композиторской «территории» он был человеком совершенно уникальным. Мы с ним много беседовали о жизни и о развитии музыки. Для него представление о музыке и ее выражении всегда носило религиозный смысл. Когда он говорил о содержании своей Пятой симфонии, то комментировал его как попытку выразить образ Девы Марии. И по тем немногим словам, которые есть в Библии, он выстроил гигантскую музыкальную композицию.

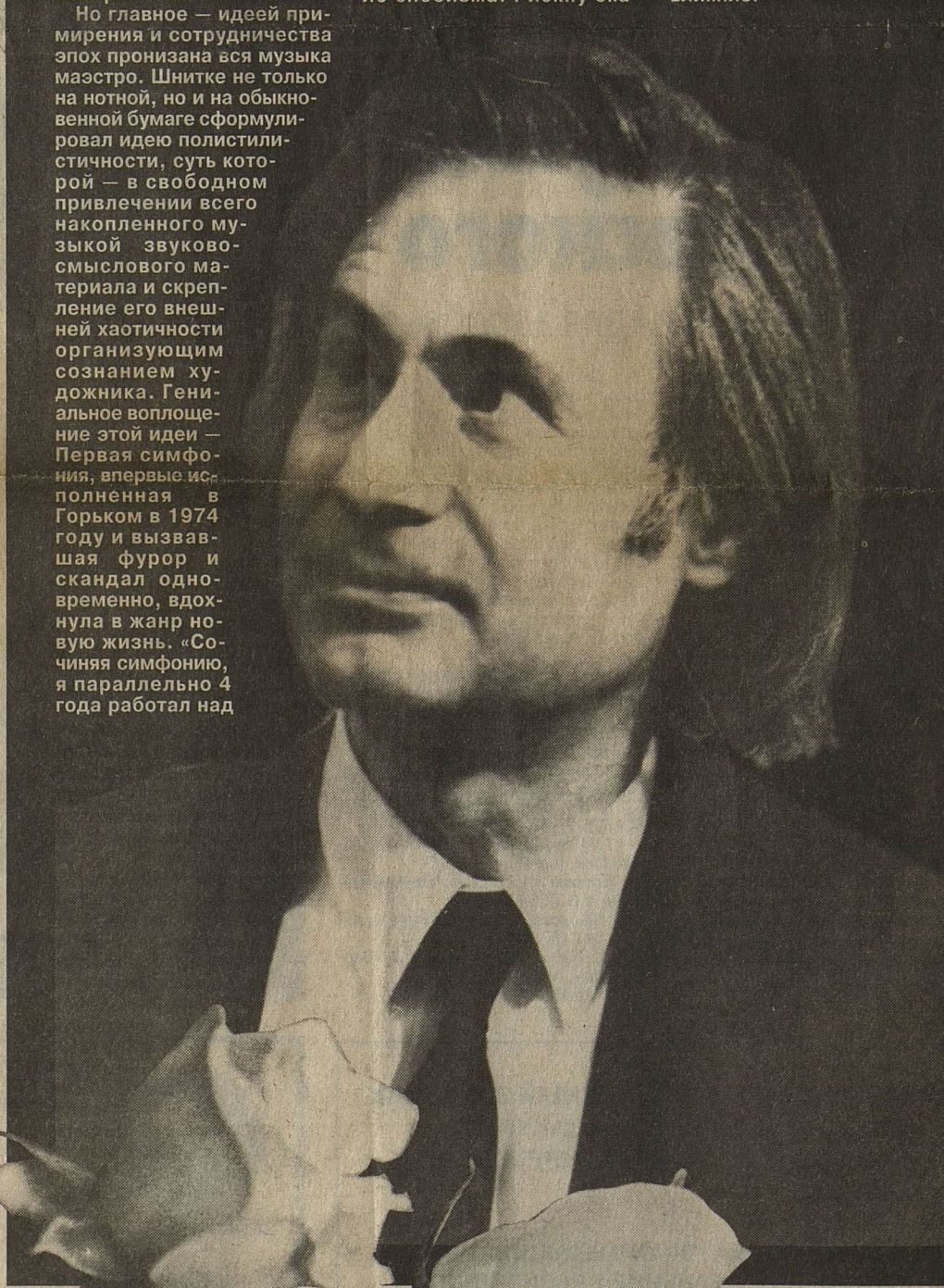
Шнитке пережил сильный удар, повлекший целый творческий кризис, после смерти своей матери. Говорил, что после этого учился писать музыку от ноты к ноте так же, как ребенок учится ходить. Шел почти на ощупь, вне зависимости от техники, полагаясь лишь на интонационное движение. После чего создал одно из лучших сочинений — фортепианный квинтет памяти матери, поистине гениальный, в ряду классических квинтетов занимающий одно из центральных мест, сочинение редкостной красоты и выразительности и в то же время имеющее религиозную окраску.

Шнитке был католиком. В этом, видимо, сказалась его немецкая кровь. Этот религиозный стиль делал его музыку поистине уникальной. В ней соединялись эмоциональная широта, свойственная русскому духу, и в то же время колоссальный, характерный для

немецкой культуры конструктивизм, чрезвычайно ценный в классической музыке. Уметь строить классическую музыкальную конструкцию — свойство даже среди великих композиторов прошлого довольно редкое.

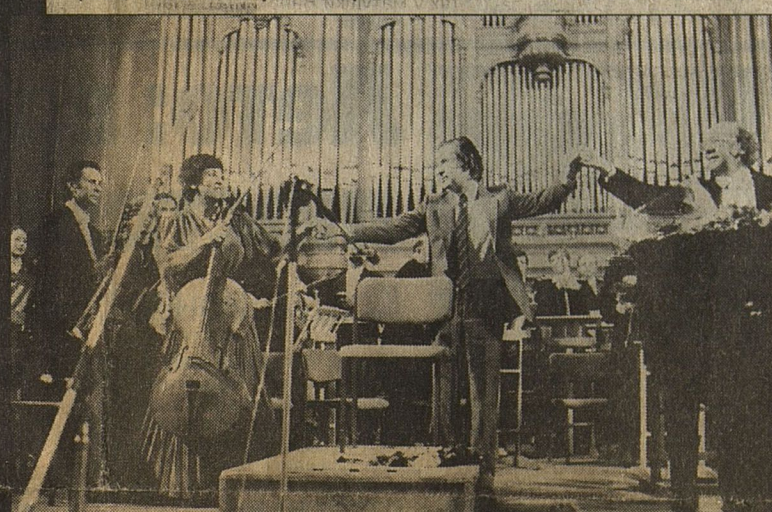
Я очень люблю его кантату «История доктора Иоганна Фауста». Это сочинение написано на осно-

С женой Ириной

близкой, начиная с его первой скрипичной сонаты, которую очень давно услышал в исполнении Марка Лубоцкого. Воспоминания о полубишеском сочинении, в 1982 году написал свою скрипичную сонату и посвятил ее Альфреду, которому, как он мне потом признался, это было очень приятно. Комплиментов он получал очень много, а посвященный, видимо, нет.

Соприкосновение с музыкой Шнитке сыграло для меня как композитора очень большую роль. Конечно, мы люди вроде бы далекие по музыкальному языку. Но для меня постоянный его поиск великодушных образных интонаций, которые ратом деформируются или расцветают в какую-то поразительную мелодику.

Браво, маэстро! Наталия Гутман и Геннадий Рождественский поздравляют композитора с премьерой. 1989 г.

тельно красивую мелодическую ткань, вот это его умение существовать между жесткой деформацией и поразительной красотой делает его язык совершенно уникальным и относит его творения к вершинам музыки XX века.

Те, кто не слышал его симфоний, вокально-хоровых полонезов или инструментальной музыки, имеет представление о кинотворчестве композитора. Он работал с Ларисой Шепитко над фильмами «Ты и я», «Восхождение», с Александром Миттой, Андреем Смирновым, Игорем Таланкиным, мастером мультипликации Андреем Хржановским. Фильм Элема Климова «Агония» произвел в свое время необыкновенно сильное, граничащее с шоком впечатление — и не последнюю роль в этом сыграла музыка Шнитке. Не случайно такой профессионал, как Элем Климов, считает: самое совершенное, что есть в его фильмах, — это музыка Шнитке.

Элем Климов:

Он мог воссоздать звуками даже апокалипсис

— Говорят, Шнитке сделал 60 фильмов. С нашей семьей связа-

фильма», на котором делал свою дипломную работу — полнометражный фильм «Добро пожаловать, или Посторонний вход воспрещен». Она настоятельно рекомендовала мне никому тогда не известного композитора. Мы познакомились, и он понравился мне сразу. У него была очень добрая, чистая, ясная, какая-то обволакивающая и заворачивающая натура, душа. Я просто влюбился в Альфреда, и это было на всю жизнь. С ним все время хотелось общаться, разговаривать и слушать его, смотреть в глаза. Да, это именно тот случай, когда очень хочется смотреть в глаза. И Лариса сразу влюбилась в него. Мы сдружились семьями, хотя общались, конечно, не каждый день, на концерты его ходили с удовольствием.

Он всегда подключался к работе на последней стадии. Смотрел смонтированный материал и «заряжался» от него. Но этому предшествовали, конечно, разговоры о сути картины. Он удивительно быстро во все вникал — ничего не требовалось растолковывать ему или внушать. Мы понимали друг друга без лишних слов. При этом он поража меня своими человеческими достоинствами. Глубина и мощь его интеллекта были поразительными. В свое время я увлекся Пришвиным, но не природописателем, а мыслителем, философом. Так вот среди множества его точных высказываний есть и такое: «Судьба произведения определяется глубиной, внутренним поведением художника». Это внутренняя, сущностная натура

ве старонемецкой легенды XVI века, более древней, чем известное всем творение Гете. Альфред происходил из семьи немцев Поволжья, свободно владел старонемецким. Помимо русского, архаичный немецкий был его языком. И в музыке он был таким же двуязычным композитором. В этом состоит особая закуска произведений Шнитке, и в этом же — колоссальная его связь с музыкой баховского и добаховского периода. Глядя на страницы партитур таких произведений, как Концерто Гроссо, 5-й и 6-й симфоний, виолончельного концерта, постоянно улавливаешь старонемецкие интонации, удивительным образом расцветающие в сверхсовремен-

С Зурабом Соткилавой композитора связывали дружеские отношения. 1987 г.

ном композиторском мышлении, по грандиозности не имеющем себе равных.

Для меня музыка Шнитке стала

но восемь: два Ларисиных и шесть моих. На Альфреда меня «вывела» Минна Яковлевна Бланк, музыкальный редактор «Мос-

Шнитке очень сказывалась на его сочинениях. Я имею в виду его религиозность и то, что я называю объемным мышлением, проникающим как бы в космос. Это объемное мышление всегда сказывается в произведениях художника. Знаете Павла Флоренского, мощного религиозно-этического философа? Шнитке этого масштаба, этого «разлива».

Есть мнение, что из всех наших с ним фильмов он наиболее выразился в ленте «Спорт, спорт, спорт», я же считаю, что в «Агонии». Там есть такие мощные музыкальные всплохи и такие разнообразие. Например, сцена в ресторане, драка... и вдруг — танго. Оно неожиданно явилось, помоему, и для него самого, такое оно мощное, апокалипсическое со- здал танго...

Когда мы с Марленом Хуциевым закончили задуманный моим учителем Михаилом Роммом основанный на документальной хронике фильм (речь идет о художественно-публицистической картине, получившей название «И все-таки я верю». — Е.Л.), я попросил Шнитке дать прослушать фрагмент апокалипсиса из его знаменитой Первой симфонии, запрещаемой к исполнению и все-таки прозвучавшей на фестивале в Горьком благодаря Геннадию Рождественскому. Я собирался озвучить этим фрагментом финал картины. Оказалось, что записи не существует, да и воспроизвести музыку нет никакой возможности: требуется оркестр расширенного состава. Мы достали деньги, пригласили любимого дирижера Альфреда — Э.Класса, и он сотворил с музыкантами Оркестра кинематографии такое, что они мокрые с записи выходили. Десятиминутный фрагмент апокалипсиса был разбит на несколько кусков — музыканты не могли выдержать больше минуты такой напряженной работы. Альфред наложил на этот фрагмент еще множество других звуков. Опытнейшим звукорежиссерам не хватало рук, чтобы двигать рычажки на пульте — Шнитке и я помогали. Все мы были мокрые от этой работы. Вот так были записаны эти десять минут апокалипсиса.

